

Министерство высшего образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
(ИСл РАН)

Отдел типологии и сравнительного языкознания

Доклад об основных результатах подготовленной
научноквалификационной работы (диссертации)
очной аспирантки ИСл РАН,
обучающейся по направлению 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»,
специализация (профиль) 10.02.03 «Славянские языки»
АЛЕКСЕЕВОЙ Алины Сергеевны

на тему

Отреченная словесность в восточно- и южнославянских рукописях XI–
XVIII вв.: языковая вариативность и коммуникативные стратегии

Научный руководитель:
д.ф.н., член-корр. РАН, г.н.с. ИСл РАН
Гиппиус А.А.

Москва
2021

Представляемая работа является основной частью будущей кандидатской диссертации, посвященной изучению одного из пластов «отреченной» или апокрифической книжности восточных и южных славян – магических текстов в рукописных источниках XI–XVIII вв.

В докладе будут представлены объект, предмет, цели, задачи, методы исследования и научная новизна, выносимые на защиту положения, а также степень достоверности и апробация результатов.

Объектом исследования являются восточно- и южнославянские магические тексты в рукописных источниках XI–XVIII вв. на примере Сисиниевой легенды и Указа о проскурмисании Иоанна, архиепископа Новгородского. **Предмет исследования** – история бытования данных текстов: текстология, язык, особенности трансмиссии (между южно- и восточнославянской традициями).

Материалом исследования послужили 2 памятника письменности. Первый источник – т. н. *Сисиниева легенда* (СЛ), привлечение которой перспективно ввиду большой рукописной традиции и хорошей сохранности списков, а также распространения в восточно- и южнославянской книжности. Два сюжетных типа СЛ: Michael-type и Sisinnios/Melitene-type – мигрируют из греко-византийской словесности в южнославянскую, а первый тип позднее проникает из южнославянской в восточнославянскую книжность, изменяя при этом свои функциональные особенности. Исключительный характер памятника позволяет составить мнение о принципах перевода, редактировании средневекового текста и его распространении у славян. В НКР подробно рассматривается история южнославянской Молитвы архангела Михаила (ММ), связанная по происхождению с греч. Michael-type.

Другим источником НКР является текст, известный под названием *Указ о проскурмисании Новгородского архиепископа Иоанна*, также восходящий к греко-византийской традиции и адаптированный на славянской почве. Особенный интерес вызывает его бытование в Древней Руси, где вместе с

изменением прагматики и сферы использования текст получает другое оформление в области языка.

Целью исследования является описание истории и языка избранных, традиционно причисляемых к апокрифической книжности источников, что определяет постановку следующих **задач**: 1. изучение списков текстов, построение стемм; 2. реконструкция архетипов и описание языковых и текстуальных особенностей памятников; 3. сопоставление восточно- и южнославянских традиций «отреченной литературы».

Поставленные цель и задачи исследования обуславливают **методы исследования**: 1) кодикологический анализ, 2) текстологический анализ, 3) лингвистическое описание, 4) функциональный анализ, 5) компаративный анализ. Традиционно изучение древних магических текстов проводится в отрыве от их среды распространения, что неизбежно приводит к ошибкам. Так, например, рукописный текст способен разделиться на части или слиться с другим, самостоятельным текстом, поэтому перед исследованием любой направленности необходимо использовать вспомогательные дисциплины для установления первичного облика памятника. С другой стороны, изучение текста как продукта средневековой письменной культуры также способно прояснить некоторые факты его создания, развития и рецепции. Совмещение текстологических и лингвистических методов исследования, не применяемое ранее к источникам данного типа, определяет **актуальность НКР**.

Положения, выносимые на защиту:

1. История текста Молитвы архангела Михаила насчитывает колоссальное количество этапов редактирования, которые затрагивают и разработку сюжета, и язык текста. Определение ближайшего к архетипу списка уточняет характер работы переводчика-славянина.
2. Этнографический комментарий к средневековому тексту невозможен без предварительного текстологического исследования, поскольку лишь оно способно поочередно снимать напластования из разных этапов работы книжников с текстом.

3. Авторству архиепископа Новгородского Иоанна принадлежит и прескрипция, и молитва из «Указа...» для обличения вора. Последняя при этом восходит к греческой традиции не напрямую, как считалось ранее, а через посредство южнославянского источника.
4. Трансформация жанра – из религиозной сферы в магическую – в случае «Указа...» сопряжена не только со сменой прагматики, но и способов распространения текста (включение в разные типы рукописных сборников), упрощения содержания и языковых особенностей.

Апробация работы. Результаты исследования (как отраженные в НКР, так и планируемые для включения в диссертацию), были обсуждены на 13 научных конференциях, 8 из которых были международными, и на 1 заседании отдела типологии и сравнительного языкознания ИСлРАН: 1) Вторые молодежные чтения по русской литературе XVIII века (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, 26–27 октября 2017 г.); 2) XXXVII всероссийская научная конференция «Курбатовские чтения» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2017 г.); 3) VII международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 15–17 марта 2018 г.); 4) XLVII Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.); 5) Молодежная научная конференция в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский мир: общность и многообразие» (ИСл РАН, Москва, 22–23.05.2018 г.); 6) Международная научная конференция, посвященная памяти Виктора Михайловича Гацака «Традиции во времени» (ИМЛИ РАН, Москва, 22–23 мая 2018 г.); 7) Историко-филологические чтения (Великий Новгород, 4–5 августа 2018 г.); 8) XLVIII Международная филологическая конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 18–27 марта 2019 г.); 9) Международная конференция «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка)» (ИРЯ РАН, Москва, 27–29 мая 2019 г.); 10) Међународна научна конференција Савремена српска фолклористика 7 (Сербия, Крушевац, 21–23 июня 2019 г.);

11) «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (VII Международные Бодуэновские чтения) (КФУ, Казань, 28–31 октября 2019 г.); 12) XXXI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Секция «Русистика и славистика: традиционные темы в современной методологии» (ПСТГУ, Москва, 26–27 января 2021 г.); 13) III Международная научная конференция «Древнеславянские литературы и книжность: новейшие исследования и научные проекты» (ИМЛИ РАН, 18–19 июня 2021 г.). Также 2 апреля 2019 г. на заседании отдела типологии и сравнительного языкознания ИСл РАН был прочитан доклад «К текстологии рукописных сборников заговоров XVII в.». Основные положения НКР отражены в 9 публикациях (список на с. 19–20).

Структура НКР. Работа состоит из введения, 2 глав, заключения и списка литературы. В приложении находится стемма списков Молитвы архангела Михаила, рассмотренной в 1-й главе.

Во **Введении** определяются объект, предмет, цели, задачи, материал и методы исследования, раскрывается его научная новизна.

В **Первой главе** рассматривается подтип Сисиниевой легенды – Молитва архангела Михаила (ММ), которая восходит к греческому варианту Michael-type. В настоящее время известно о 21 списке ММ, датированных промежутком между нач. XI (возм., кон. X в.) – сер. XIX вв. (описание рукописей, в т. ч. шифры и сведения о публикациях см. в монографии Т.А. Агапкиной¹. Т.А. Агапкина распределяет 18² изученных ею источников на 3 *подредакции* (термин, принятый в издании): А и С являются основными, в то

¹ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М., 2017. С. 382–393.

² Два хорватских глаголических амулета XIX в., идентичные ХГА2, но сильно искаженные, а также недоступный список Хилб72-2 не привлекаются, за исключением перечней имен, опубликованных В. Велиновой (Велинова В. Из българско-сръбските книжовни връзки през XIII в. // Сборник радова Византолошког института. 2010. Т. 47. С. 173).

время как В имеет статус «переходной», т. к. объединяет черты двух других *подредакций*³.

Табл. 1

А	В	С
(ПопКр) – кон. X / нач. XI в.	(ИерП2) – XII в.	Кач – XVII в.
ХГА2 – XIV–XV в.	СПД4 – 3 четв. XIII в.	Дуй31-2 – XVII – нач. XVIII в.
НБКМ273 – XVII в.		(Дуй32) – XVI I– нач. XVIII в.
НБС454 – XVIII в.		Ков – 1827 г.
ЈАЗУ140 – 1 трет. XVIII в.		НБС113 – 1832 г.
Павл2 – ок. XVIII в.		Брат – 1843 г.
		Кат – нач. XIX в.
		(Сок275-30) – 1853 г.
		Сок275-65 – 1853 г.
		(Хил672-2) ⁴ – 1850 г.
		Хаш281 ⁵ – XVII в.

Предложенное Т.А. Агапкиной выделение групп А и С имеет все основания ввиду множества разночтений, которые отмечены и описаны непосредственно в издании⁶. Статус группы В, к которой отнесены 2 списка, сомнителен, поскольку уже по росписи эпизодов хорошо заметно, что близость В и С подтверждается лишь наличием в них полного описания встречи двух персонажей⁷. Проведенное текстологическое исследование списков подтвердило вторичность усеченного вступления в источниках группы А, а механическое замещение одного персонажа другим (в данном случае архангела Михаила – св. Сисином) не препятствует рассмотрению ИерП2 и СПД4 вместе со списками группы А.

³ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян. С. 435.

⁴ Атрибуция затруднена, см. Там же. С. 435.

⁵ Атрибуция затруднена, см.: Там же. С. 435.

⁶ Агапкина Т.А. Там же. С. 435–437.

⁷ Агапкина Т.А. Там же. С. 435.

Пословное сопоставление списков⁸ позволило построить стемму (см. с. 18). Реконструированным этапам истории текста присвоены номера (ММ№), однако, подчеркнем, что система введена исключительно для более удобной презентации данных и не всегда отражает очередность той или иной стадии редактирования молитвы. Наш взгляд, предпочтительнее избегать понятия *подредакция* по отношению к объединениям списков, т. к. некоторые из них уже являются самостоятельными редакциями (результатами сознательной переработки книжников в терминологической системе текстологии⁹) – в НКР это понятие замещено определением *ветвь*.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о существовании двух *ветвей* ММ (бывш. подредакций А и С): 1) Хаш281, СПД4, ИерП2, ПопКр, Павл2, ХГА2, НБС454; 2) Дуй31-2, НБС113, Кач, Ков, Кат, Брат, Сок30, Сок65. Построение стеммы списков ММ позволило определить чтения архетипа, описать предположительные интенции переводчика и выявить последовательность вносимых изменений в области содержания и языка. В качестве примера продемонстрируем комментарий к первому вопросу архангела Михаила вештице.

В списках первой ветви вступление имеют лишь СПД4 и Хаш281. В первом списке – так же, как списках второй ветви, за исключением Кат и Сок30 (в НБС113 середина утрачена) – архангел задает вештице два вопроса: кто она и откуда идет? Обращение в Хаш281 повреждено, но сохранившегося фрагмента достаточно для того, чтобы сделать вывод об отсутствии в нем мотива неузнавания: *вбрътох въщиць именем авизою и рекох еи ти еси злоплемен и проклетое въ*(далее д.б.: *штице*)¹⁰. Этой детали нет и в GI,

⁸ К сожалению, Хил672-2, Дуй31-2, НБКМ273 и JAZU140 нам не доступны (однако, НБКМ273 близок НБС454, а JAZU140 является его точной копией, по сообщению Т.А. Агапкиной), поэтому чтения по этим источникам учитываются в том объеме, который предоставляет монография.

⁹ См.: Лихачев Д.С. (при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г.). Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001. С. 133–139.

¹⁰ Здесь и далее цитаты приводятся по изд. с сохранением их особенностей.

наиболее близком к славянской версии греческом списке, поэтому можно заключить, что архетип перевода данный мотив не включал – он развивается на этапе ММ9 и, будучи логически избыточным (нарратор называет вештицу еще до диалога), несет особую нагрузку в славянском тексте.

Можно предложить два объяснения внедренной инновации: во-первых, встретившись в начале молитвы с греческим и скорее всего незнакомым именем (в Хаш281: *авизою*), переводчик-славянин был вынужден модифицировать текст: добавить к вопросу о месте назначения просьбу «представиться». Во-вторых, стимулом могла выступить следующая ниже реплика демоницы: если трактовать ее слова как рассказ не о ближайших планах, а в принципе о возможностях, вынесение вперед вопроса о сущности вештицы будет мотивировать этот фрагмент.

Дополнительные вопросы: «откуда идешь?» и «как твое имя?» (только списки второй ветви, кроме Дуй31-2) образуются позже. Примечательно, что уже в основании второй ветви к ним добавляется обращение *человѣче*, превращая, тем самым, мотив неузнавания в мнимое узнавание. Вокативная форма (исключение – Ков, представляющий сокращенную редакцию ММ) побуждает отредактировать реплику демоницы, которая теперь вынуждена оспорить архангела и начать со слов ‘я вештица’. Ср. Брат (*рече свети михаиль аранђель откуда еси ти человиече што е име твое рече му она я самъ вештица*) и СПД4 (*рѣхъ ѿи кто ты ѿси камо ли идеши. ѿ кимъ ли ѿси страны. ѿвеща вѣщица и гла ми. азъ доубиѣ искорѣне* (вм. *искорѣную*)) – как видно, во избежание повторов подлежащее при аористе в Брат выражено местоимением.

В частности, изучение истории текста позволило уточнить несколько высказанных ранее предположений, выстроенных на основании этнографического или литературоведческого изучения текста. В качестве примера рассмотрим один аспект, связанный с построением нарратива.

Т.А. Агапкина отмечает, что вступление вештицы в разговор с архангелом нарушает логику повествования, так как далее демоница упоминает о мучении, причиненном ей самим архангелом. Этот факт позволил исследовательнице предположить, что «арх. Михаил просто “подменил” св. Сисина в первых строках молитвы, хотя, повторим, в греко-византийской традиции в молитвах “Михаил-типа” св. Сисин не появляется ни разу»¹¹. Подобный сбой, как кажется, возник при неверном переводе греческих глагольных форм.

В списках Патаксарея-подтипа архангел Михаил хватает Авизу за правую прядь после ее признания об угрозах Богородице: [Μιχαή]λ ὁ ἀρχάγγελος ὑπήντησεν αὐτῆς καὶ δ[---] [ἐκ τῶν] δεξιῶν πλοκάμων καὶ [λ]έγει αὐτῆς ης Μιχα(ῆ)λ ὁ ἀρχάγγελο... (список GI) ‘[Михаи]л архангел встретил ее и с[---] [за] правую прядь, и [г]оворит ей Миха(и)л архангел’¹². Как видно, гл. ὑπαντάω находится в аог. 3 sg. (в SA причастие, более близкое по семантике и, вероятно, утраченное в GI: πιάσας ‘схватил’), в то время как λέγω – форма praes. 3 sg., которая и здесь, и выше имеет значение *praesens historicum*. Переводчик-славянин воспринимает эти действия как разделенные каким-то временным промежутком: разговор с вештицей (*praesens historicum*) относится им к плану настоящего, а хватание за волосы (в славянской версии – мучение), однозначно *для него* выраженное формой претерита – к плану прошедшего. Появление в СПД4 и, возможно, ИерП2 Сисина имеет единственно верное объяснение, которое предложила Т.А. Агапкина: это имя вживляется в текст ММ из расположенной рядом молитвы МС, чтобы преодолеть сбой в повествовании¹³.

¹¹ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян. С. 436.

¹² Здесь и далее приводятся цитаты и перевод по изд.: Чёха О.В. Сисиниева молитва в византийской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М., 2017. С. 242–304.

¹³ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян. С. 383, сн. 5.

Интересно, что в южнославянской версии архангел Михаил спускается с Елеонской горы, а Сисин – с Сионской (для созвучия: *сисинь/сионь?*). Распределение списков показывает, что в архетипе фигурирующая в греко-византийской традиции гора Синай заменена переводчиком на Елеон (гора Сион – инновация СПД4). Вероятно, это произошло под влиянием фрагмента из апокрифического Хождения Богородицы по мукам, славянский перевод которого известен с XI в. Примечательно, что в нем Пресвятая Дева, находясь на Елеонской горе, просит архангела Михаила спуститься (sic!): *Хотъ святая Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горъ Елионстей: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да снидетъ архангелъ Михаилъ, да повѣсть о муцъ небеснѣй и о земнѣй*¹⁴.

Изучение истории текста ММ затрагивает также реконструкцию утраченных чтений, комментирование затемненных мест в дошедших до нашего времени списках, изучение языка списков. Одним из наиболее интересных источников в нашем корпусе является свинцовый амулет из Варны (ПопКр), датированный К. Попконстантиновым и О. Кронштайнером кон. X – нач. XI в.¹⁵ В записи представлены четыре вида смешения графем, которые характерны для болгаро-македонского извода церковнославянского языка X–XI вв.: 1) ѣ и ъ, 2) ж и л, 3) оу (8) и о, 4) ы и и¹⁶. Еще одна особенность амулета – пример с отражением утраты редуцированного в слабой позиции, чертой, знакомой памятникам и болгаро-македонского, и сербского изводов: В. ед. *мишцѣж*. Признаков непосредственно сербского извода церковнославянского языка (смещение оу и ж, е и л, ы и и, преобладание

¹⁴ Хождение Богородицы по мукам / Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII вв. СПб, 2004. С. 306, 407.

¹⁵ *Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Altbulgarische Inschriften. T. 1. (= Die slawischen Sprachen. T. 36). Salzburg, 1994. S. 118–119.*

¹⁶ *Супрун А.Е., Молдован А.М. Старославянский и церковнославянский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005. С. 38.*

написаний с ь на месте ъ), который, «возможно, был частью единой болгаро-македонско-сербской книжной традиции»¹⁷ обнаружить не удалось.

Большинство списков СЛ (ММ и и второго типа) обнаружены в сербских рукописях (эта удивительная закономерность отмечается и в рукописной традиции Сказания о 12 пятницах¹⁸), поэтому ПопКр, не имеющий никаких черт, однозначно интерпретируемых как сербизмы, имеет особый статус. Не менее важна и его роль в истории ММ: исходя из узла ММ1, список ПопКр позволяет заключить, что к началу XI в. уже существовали редакции, дошедшие в списках ИерП (XII в.), СПД4 (3 четв. XIII в.) и наиболее близких архетипу Хаш281 (XVII в.).

Во **Второй главе** рассматривается *Указ о проскурмисании Новгородского архиепископа Иоанна* – средство, направленное на избличение вора (т. н. «Божий суд»). Появление этого обряда обычно связывают с именем Новгородского архиепископа Иоанна III, во время святительства которого (1389–1415 гг.), 24 декабря 1410 г., в новгородском Софийском соборе произошло событие, воспринятое как знамение от иконы свв. мчч. Гурия, Самона и Авива.

Содержательно «Указ...» распадается на две части: описание действий, совершаемых при обряде, и текст молитвы. До настоящего времени было известно о двух списках полного «Указа...» (Соф (XVI в.)¹⁹ и ОС (XVII в.)²⁰) и двух списках молитвы (Сол (XVII в.)²¹ и Арх (XVI в.)²²). Недавно были обнаружены еще 2 списка молитвы: Тип (кон. XIV – нач. XV в.)²³ и Тр

¹⁷ Супрун А.Е., Молдован А.М. Старославянский и церковнославянский язык. С. 38.

¹⁸ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян. С. 375.

¹⁹ РНБ. Софийское собр. № 836. Служебник с требником. 1514 г. Лл. 114–114об.

²⁰ НИОР БАН. 21.9.10. Сборник заговоров. Первая пол. XVII в. Л. 25.

²¹ Не отождествлена, цит. по изд.: Щанов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и в первой половине XVIII вв. Казань, 1859, С. 152.

²² НИОР БАН. Арханг.Д.193. Сборник смешанного содержания. XVI в. Л. 274об.

²³ РГАДА. ф. 381 (Тип.). оп. 1. ед. хр. 43. Служебник со статьями требника. кон. XIV — нач. XV в. (датировка А.А. Турилова). Сердечно благодарю Т.И. Афанасьеву, указавшую мне на этот список.

(XVIII в.)²⁴. Поскольку Тип не содержит прескриптивной части и отсылки к обряду, данная находка заставляет сформулировать новый вопрос о происхождении текста: если рукопись действительно старше даты знамения от иконы, то что же написал архиепископ Иоанн, весь текст «Указа...» или только его часть, используя известное ранее моление?

Вопрос об источниках постановления архиепископа Иоанна затрагивал А.И. Алмазов, сделавший несколько важных наблюдений о тексте и обряде. Исследователь отмечает 3 детали, тесно связанные с греческой книжной культурой: цитата из византийского заговора («Ἀβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει. γενηθήτω ἡ ὁδὸς αὐτοῦ σκοτός καὶ ὀλίθημα» ‘Авраам тебя преследует, Исаак тебя настигает, Иаков тебя опережает; да будет путь их темен и скользок’²⁵), лексема *непоть*, возводимая исследователем к гр. *ὑποπτον* ‘подозрение’²⁶, использование четырехкрестной просфоры. Таким образом, заключает А.И. Алмазов, «если не в целом, то по крайней мере в значительной и собственно существенной части, устав архиепископа Иоанна есть сколок, переложение соответствующего греческого документа»²⁷.

Текстологическое исследование этого памятника новгородской письменности позволяет выдвинуть следующее предположение. Архетип

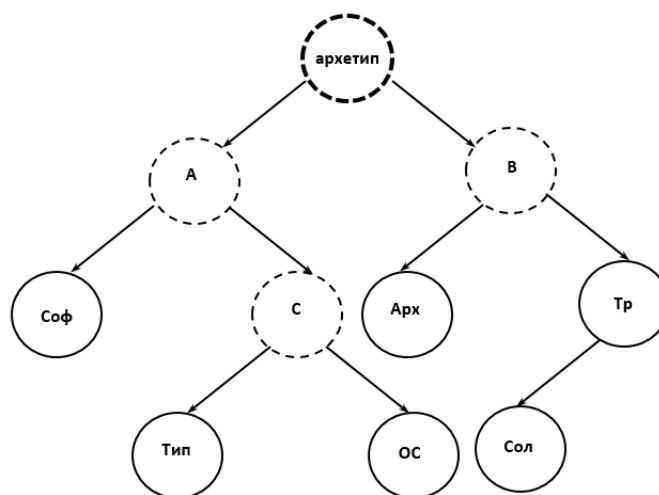
²⁴ РГБ. ф. 205. № 453. Сборник. XVIII в. В НИОР РГБ сообщили, что рукопись в собрание не поступала, и ее местонахождение неизвестно (опись сделана до поступления в фонды РГБ), поэтому используется издание молитвы. Изд.: Соколов Е. И. Библиотека ОИДР 1846–1902 г. Вып. 2, М., 1905. С. 330–331. Благодарю анонимного рецензента журнала *Slověne* = *Словъне*, обратившего мое внимание на этот список.

²⁵ Перевод А.Ю. Виноградова и М.С. Желтова (*Виноградов А.Ю., Желтов М.С.* Апокрифическая» надпись с Мангупа и обряды «изобличения вора»: магия и право между Античностью и Средневековьем // *Slověne*. 2015. 4 (1–2). С. 76).

²⁶ Придыхание едва ли может быть передано через *-н-* (ср., например, *иматизмъ* < *ἰματισμός*). Скорее всего, здесь зафиксировано собственно славянское образование, связанное, согласно ЭССЯ, с *ръвати ‘полагаться, надеяться’, *ръта/*рътја/ *ръть ‘надежда, вера’ (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 24. М., 1997. С. 225).

²⁷ Алмазов А.И. Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора). Греческий устав совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком. Одесса, 1904. С. 9–10.

молитвы выпускает две ветви: к первой (А) принадлежат Тип, Соф и ОС, причем Тип и ОС имеют общий несохранившийся этап (С); вторую ветвь образуют Сол, Тр и Арх, отделившиеся от протографа (В). Прескриптивная часть, почти полностью дошедшая до нашего времени в Соф и ОС, находит частичное отражение в списках другой ветви Арх и Тр, что говорит о единовременном составлении инструкции и молитвенного текста.



Некоторые сведения о появлении молитвы свв. исповедникам содержит процитированный создателем стих Пс 34:6. Употребленное в молитве прилагательное *пъльзкъ*, как показало сопоставление со списками славянских переводов Библии, обнаруживается в южнославянских рукописях, а также в древнерусских рукописях с нач. XV в., причем и привлеченные для обзора псалтирь из Чудовского собрания ГИМ²⁸, и Геннадиевская Библия связаны по происхождению именно с Великим Новгородом (в более ранних восточнославянских источниках вместо прилагательного – лексема *съблазьнь*). Прилагательное *пъльзкъ* обнаруживается и в «Гимовской» Триоди XII в.²⁹, однако, во-первых, не исключено, что эта рукопись имеет пересечения с южнославянской традицией, и во-вторых, вероятность использования автором молитвы Триоди – по сравнению с псалтирью –

²⁸ ГИМ. Чудов. собр., № 177. Псалтирь. Нач. XV в.

²⁹ ГИМ. Воскр. собр., № 27. Триодь цветная. Кон. XII – нач. XIII в. Л. 32об.

чрезвычайно мала. Следовательно, в настоящее время нет достаточных данных отрицать авторство молитвы архиепископом Великого Новгорода.

Как показало исследование, у православных славян существовали как минимум два текста, восходящие к двум разным греческим источникам для обличения вора: в одном из них функцию сакральных преследователей вора/беглеца выполняли библейские праотцы, в другой – архангелы. В качестве иллюстрации второго типа можно упомянуть два источника: молитвы из опубликованной А.И. Алмазовым рукописи³⁰ и из лечебника XVII в.³¹. С молитвой из «Указа...» этот текст роднят несколько деталей. В первую очередь это упоминание высших сил, параллель с библейским событием, создание преграды в устах вора для воспрепятствования глотательному рефлексу (особенно отметим наличие в переводе императивов *связаи и загради*), а также введение в ритуал имен подозреваемых (они, однако, пишутся на сыре и произносятся, в то время как в новгородском тексте виноватые называются по именам лишь при получении ими частиц). Параллелью к «Указу...» является употребление невынутой просфоры (хлеба в русской традиции) и, в целом, общее назначение обряда, описание которого открывается с придаточного условия.

Контаминация первого и второго типов обнаруживается в южнославянском тексте, используемом для поимки убегающих людей или слуг (см. списки из Ходошского сборника перв. тр. XVв.³² рукописи В.И. Григоровича³³). Несмотря на иную социальную прагматику, с рассмотренной молитвой его объединяет задача поймать неких людей (в южнославянской

³⁰ Алмазов А.И. Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора). С. 3–4.

³¹ РГБ. ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 696. Лечебник. 1670-е гг. Л. 76.

³² Катих Р.В. Медицински списи Ходошког зборника. Избор. Београд, 1990. С. 66 и вклейка. Приношу благодарность проф. Л. Раденковичу за указание на эту рукопись.

³³ Буслаев Ф.И. Два заговора (Из рукописи профессора В.И. Григоровича) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. II. Ч. 2. С. 50.

версии — буквально, догнать, в древнерусской — метафорически, обличить), цитата Пс 34:6 и апелляция к библейским персонажам. В молитве же, использованной в «Указе...», первый из двух вариантов обличения отразился в чистом виде, вне контаминации со вторым. Из этого следует, что архиепископ Иоанн использовал не греческий список молитвы, а южнославянский перевод.

Далее, древнейший список молитвы Тип, не является, несмотря на свой возраст, свидетельством ее самостоятельного бытования независимо от текста «Указа». Он был создан не ранее 1410 г. (даты знамения в Софийском соборе) и представляет собой не самую качественную выписку из «Указа...». Судя по тому, что Тип и ОС имеют общий протограф, а Тип датируется нач. XV в., логично предположить, что «Указ...» вместе с включенной в него молитвой практически сразу после его издания подвергся довольно спешной переписке (вероятно, для как можно более быстрого и массового распространения?). Попытка пропаганды, судя по всему, потерпела неудачу — возможно, именно вследствие грубых ошибок, допущенных при копировании.

История «Указа...», текст которого довольно точно сохраняет Соф, может быть предположительно реконструирована следующим образом. После «знамения» от иконы свв. Гурия, Самона и Авива, связанного с пропажей и последующим обретением церковного имущества, архиепископом Иоанном была, на основе южнославянского источника, представлявшего собой переведенный с греческого магический текст на обличение вора, написана молитва, включившая этот источник в контекст уже распространенного к тому времени в Новгороде культа трех святых исповедников. Составленная молитва была, также с опорой на византийскую практику, включена в обряд «Божьего суда», проводившийся в форме специальным образом совершаемой проскомидии.

Нельзя не отметить определенную трансформацию жанра: если греческий источник связан с магической практикой, то древнерусский в том виде, в котором он существует в архетипе, ближе находится к неканоническим молитвам. Это подчеркивает и изменение ситуации, в которой употребляется текст: вместо магического ритуала, совершаемого мирянином, формируется обряд, предназначенный для исполнения в церкви. Далее в процессе развития традиции прагматика текста приближается к насущным проблемам народа: поиску пропавшей вещи и пропавшего человека – т. е. акцент на наказании виновного исчезает. Подобная новация, вероятно, появляется под влиянием рукописных заговоров, которые приобретают популярность в словесности раннего Нового времени. Таким образом, вобрав в себя новые детали, изначально магический греческий текст на новом витке своей истории возвращается в магическую среду уже на русской почве.

В **Заключении** приводятся результаты проведенной работы.

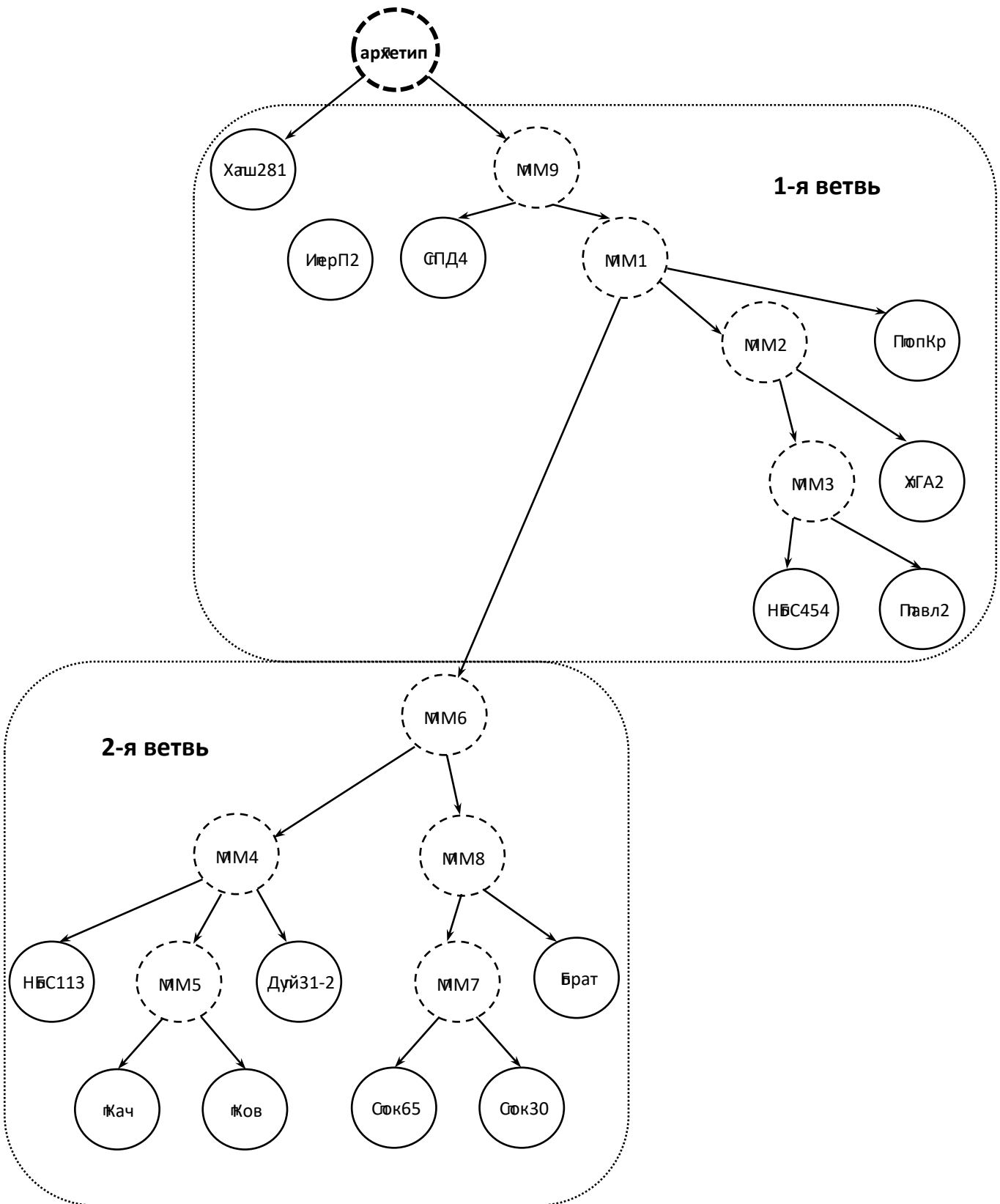
Исследование *Молитвы архангела Михаила* (подтип Сисиниевой легенды) позволило установить, с каким типом греческой версии молитвы работал переводчик (список GI, согласно номинации О.В. Чёхи), реконструировать архетипические чтения и описать работу книжника-славянина. Построенная стемма сделала возможным определение хронологии изменений, вносимых в текст молитвы в процессе ее бытования на славянской почве. Тем самым, подобный подход может и должен быть применен в исследовании второго типа СЛ – Молитвы св. Сисина. Кроме того, планируется углубить разбор истории текстов и описать особенности *каждой* редакции.

Молитва архангела Михаила была переведена в Древней Руси, где также образовала цикл текстов разных регистров. Сопоставление южно- и восточнославянской традиций – задача следующего этапа работы над диссертационным исследованием. Ожидается, что привлечение данного

источника поможет не только выявить региональные особенности, но и описать, как изменялся текст при «переносе» с одной почвы на другую («жанр», язык, особенности бытования и др.).

Исследование *Указа Новгородского архиепископа Иоанна* показало, что молитва из *Указа* восходит не к греческому тексту напрямую (предположение А.И. Алмазова), а его переводу на южнославянский язык, причем в Древней Руси текст получает дополнение в виде строк о свв. исповедниках Гурии, Самоне и Авиве – святых, особенно почитавшихся в этот период в Новгороде. Трансмиссия из церковной традиции в магическую отражается как на способе распространения текста (из требников в сборники магических текстов), изменении прагматики (от обличения вора к поиску пропажи или пропавшего человека), содержания и языка (сокращение текста, упрощение синтаксиса, логические ошибки).

Стемма списков ММ



Основные положения НКР и диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

в изданиях, утвержденных по списку ВАК РФ:

1. *Алексеева А.С., Гиппиус А.А.* Наблюдения над текстом Олонецкого сборника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. №2 (76). С. 141–157.
2. *Алексеева А.С.* Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2020. №2. С. 128–150.
3. *Алексеева А.С.* О происхождении фольклорного гидронима *Аполевта* // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. №1. С. 203–208.

в изданиях, входящих в список Scopus

1. *Алексеева А.С.* Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности // Slověne = Словѣне. 2021. №1. С. 459–490.

в других научных изданиях:

1. *Алексеева А.С.* Три комментария к Олонецкому сборнику // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVII всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (27–30 ноября 2017 года). СПб, 2018. С. 139–144.
2. *Алексеева А.С.* Рукописный сборник заговоров первой трети XVIII в. (РГБ. Ф. 92. № 75): несколько дополнений к изданию // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. Гродно, 2018. С. 224–227.
3. *Алексеева А.С.* О переводе «Ἀβραάμ σε катаδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...» в русских неканонических молитвах // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018. С. 170–173.

4. *Алексеева А.С.* О протографе Олонецкого сборника // Текстология и историко-литературный процесс. Выпуск VII. М., 2019. С. 11– 21.
5. *Алексеева А.С.* Проблемы текстологии Великоустюжского сборника // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 16–17.